

НАША СТРАНА

Год издания 71-й. Буэнос Айрес, 7 сентября 2019

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 7 de setiembre de 2019

No 3109

ЦАРИЦА ЛЮБИВШАЯ ЦАРЯ И ЕГО НАРОД

Воспитанная в спартанско-викторианской духе, привыкшая к труду и исполнению обязанностей с юных лет, застенчивая от природы, Государыня тяготилась функциями, связанными с её высоким положением, заставлявшими Царицу быть всё время на виду, оставаться центром всеобщего внимания и часто пребывать среди праздного петербургского бомонда, жившего дразгмами, сплетнями и интригами. Лишь в семейном кругу, среди своих близких, она отдыхала душой, вдали от людского шума и сутолоки.

Блеск петербургского Двора и праздная светская жизнь её не привлекали. Детство и юность протекали в атмосфере спокойного и даже скромного семейного очага, сначала в уютном провинциальном Гессен-Дармштадте, а потом, после преждевременной смерти её мамы, королевы английской Виктории, чьим именем история назвала ту эпоху. Находясь при ней, Государыня исполняла обязанности секретарши. Будущая Императрица также прошла курс высшего образования, получив степень доктора философских наук университета Гейдельберг.

Сдержанная наружность Её Величества, несколько холодная её красота, строгость к себе и другим, замкнутость и официальность в отношениях с людьми, серьёзный склад характера и, в особенности, её религиозность - все эти черты не пришлись по нраву пустому светскому обществу. «Англичанка!» Так стало называть Государыню высшее русское общество.

Это неприязненное отношение с годами возрастало, а уже к началу Первой Мировой войны, подогреваемое силами зла, прямо-таки вылилось в отталкивание, почти в ненависть к её личности.

Кличка «холодная англичанка» удержалась до начала девятисотых годов, поскольку к тому времени русская «прогрессивная» общественность во главе с партией конституционных демократов (Милюкова, Гучкова и других) и рупором партии, газеты «Новое Время», усиленно проводила англофильскую политику. Но положение изменилось, тут вспомнили о другом происхождении Императрицы и стали называть

её «немкой». Этот ярлык был использован революционерами всех оттенков в подходящий для них момент Первой Мировой войны. Они возвели на Государыню абсурдное и оскорбительное обвинение в шпионаже и государственной измене! Хотя Императрица и была немкой по отцу, но по воспитанию и складу ума являлась настоящей англичанкой, став чисто русской по душе после венчания с Государем.

Надо особо отметить, что Императрица, помимо рассудительности, обладала истинно государственным умом, который помогал ей отлично разбираться в политике и событиях, происходивших в то время в России и Европе. Руководствуясь учением Православной Церкви, которым она полностью прониклась, Государыня, видела в Царе Помазанника Божья и глубоко верила в незыблемость русского самодержавия, на страже которого она считала себя призванной стоять. Она пребывала в этом сознании до самого последнего дня своей многострадальной жизни, оберегая самодержавие по своему разумению. Конституционную форму правления она считала не только неправильной, но и антицерковной.

По будним дням Государыня любила посещать церкви, проходя туда незаметно, как простая богомолка. Она знала церковный устав и историю Русской Церкви, что указывает на тот факт, что она пришла к православию не только душой и сердцем, но умом и сознанием. В её комнате всегда горели лампы. Горячо молилась она передними, истово клая земные поклоны. Не упускала случая посещать наиболее известные русские святыни. По её почину, в Царском Селе вблизи дворца был воздвигнут великолепный Феодоровский собор, в котором она очень любила молиться. Люди знавшие её близко говорили, что Государыня выходила из храма с успокоенным, просветленным лицом, как бы переродившись.

В ней Государь имел не только нежную, любящую жену и мать своих детей, но и верного друга, разделившего с ним его тяжёлую участь и запечатлевшего свою верность мученической кровью.

Царственные супруги дополняли один другого, образуя через духовное слияние душ абсолютную гармонию, которая по своей природе исключала даже тень преобладания одной личности над другой. Государыня говорила одной из фрейлин: «Двадцать лет я провела в России. Эта страна моего мужа и моего сына. Я была счастлива здесь как жена и как мать. Всем сердцем я принадлежу этой стране».

Она любила Россию и русский народ, считая, что простое население стоит ближе к Богу, ибо оно не затронуту псевдо-культурой. Как у Государя, так и у Государыни было много любви к людям, горячего желания им помочь. Оба делали добро по-евангельски: левая

рука не знала, что делает правая. Императрица основала Общество Рукоделия, и вещи изготовлявшиеся ею дамам раздавались бедным.

Государыня открывала по всей России дома трудолюбия для безработных, а также дома призрения для падших девиц.

Она и Великие Княжны окончили курсы сестёр милосердия военного времени. Сама Государыня работала как простая сестра: подавала бинты, инструменты, выносила ампутированные части рук, ног. Во время операций раненные умоляли её быть около них. Императрица всё это исполняла и постоянно, несмотря на сильное переутомление, просиживала часами, успокаивая несчастных.

Государыня морально поддерживала Государя во всех его начинаниях, оказавшись единственным человеком, на которого он мог всегда и полностью положиться. Известно, что на Царицу, помимо множества прочих ложных обвинений, возводилось и обвинение в её мнимом влиянии на Государя при решении дел государственной важности. Теперь уже известно, что Государь был чрезвычайно независим при вынесении того или иного решения.

Из-за болезни Наследника, она бесконечно страдала. Для революционеров это несчастье оказалось лишней возможностью добавить новую гнусную клевету на Царскую Семью, в частности и особенности - на Государыню, прилепная имя Распутина.

Основным оплотом и мощью России, её духовной и нравственной красотой были православное самодержавие и обаяние царского имени. Образцовая семейная жизнь Царя и Царицы сияла белоснежной чистотой и представляла мишень для губителей России; именно благодаря этой чистоте им было необходимо испачкать их, очернить. Для этого они использовали имя Распутина.

В бездарной, преступной Государственной Думе, этой «общественной говорильне», не о благе народа радели, а о совершено другом - о расшатывании государственных устоев, сеянии неудовольствия и бунта во всех слоях населения. Как некогда сказал поэт Некрасов, имея в виду швейное заведение: «Не очень много шили там, И не в шитье была там сила...»

Дума могла похвастаться только преступлениями, содеянными при её ближайшем участии: распутиной и устройством заговора почти всех генералов в Петербурге, что и привело к революции.

В 1916 году Государыня посетила Десятинный монастырь в Новгороде, где подвизалась старица, мать Мария. Когда Императрица вошла в её крошечную калию, старица притянула к ней свои исхудалые руки и вымолвила:

«Вот идёт Великому мученица Царица Александра».

Граф А. Коновницын

А ЧЕМ ПУТИН НЕ ЦАРЬ?

Вопрос, вынесенный в заголовок настоящей статьи, русским правым в последнее время приходится слышать очень часто. Особенно после того, как Алексей Навальный на одном из своих митингов закричал кричалку «Долой Царя!»

То, что такие вопросы задают студенты и старшеклассники, вполне естественно и, так сказать, не криминально. Куда печальнее то, что разницы не видят и многие «лидеры мнений» и «водители оппозиции». Тем самым загоняя оппозиционный дискурс во всё то же прокрустово ложе шестидесятилетия и XX съезда КПСС, видящих в системе «отдельные недостатки и серьезные упущения», но отказывающихся признавать ее онтологическое уродство.

А ведь разница, о которой идёт речь, проста, и была очевидна ещё эллинам, жившим более двух с половиной тысяч лет назад.

Сегодня в РФ под монархией подразумевается — причем не только большинством обывателей, но и большинством интеллигенции (хотя уместнее назвать эту публику образцованной) — такой политический строй, где вся или почти вся власть сосредоточена в руках одного лица, и может быть им передана по наследству. В первую очередь, конечно, своим детям — хотя и не только им.

При таком подходе, однако, остается непонятным: а чем же, собственно, отличается монархия от тирании? Или от диктатуры? Опять же, в большинстве случаев мы получим ответ: монарх иногда правит «хорошо» и никого без нужды не обижает. А тиран или диктатор — это всегда жестокий правитель.

Надо заметить, что такая позиция не является особенно новой. Уже во времена поздней античности под тиранией начинают понимать именно жестокое, крайне тягостное для людей правление. Однако такая трактовка данного определения была весьма поздней. И некоторые древние тираны ей явно не соответствовали. Например, знаменитый Писистрат, ставший во главе Афин в VI веке до Р.Х., был весьма успешным и гуманным правителем. Настолько, что его эпоху даже сравнивали с золотым веком. Однако ни Писистрат, ни некоторые другие умелые и сравнительно милосердные лидеры из числа древнегреческих тиранов от этого не перестали быть тиранами.

Ини древнегреческая, ни последующая античная традиция никогда не ставила знак равенства между ними и царями — басилеями, притом, что случаи передачи тиранической власти по наследству были делом довольно частым.

В чём же тогда заключалось

различие? Институт монархии не является какой-то «вещью в себе», которая существует вне остальных социальных и политических институтов.

В действительности, монархия – это всего лишь частный случай наследования политических и имущественных прав. Отличающийся от всех остальных лишь тем, что монархи наследуют их в несколько большем объеме, чем все остальные.

Ключевое слово здесь – Право. Монарх – это тот, кто получает свою власть по праву, в традиционном обществе почти всегда имеющему трансцендентное (религиозное) происхождение. В то время как тиран – это тот, кто захватил власть незаконно, в большинстве случаев – используя насилие.

Именно по этому критерию в Древней Греции четко и однозначно отличали царей от тиранов. И первые, и вторые могли быть хорошими или скверными политиками, милосердными или жестокими к своим подданным. Но цари-басилеи царствовали по праву, а тираны – незаконно. И корреляция между незаконным и насильственным присвоением власти и последующим жестоким правлением вовсе неслучайна.

Легитимность правителя сама по себе являлась для него защитой и мощнейшим инструментом влияния на граждан. В то время как нелегитимность тирана работала ровно наоборот, и для удержания власти требовался более-менее систематический террор или поддержка извне (как в случае с греческими полисами в Малой Азии, где тираны покровительствовали персы). Если яркий и талантливый лидер в таком положении еще мог обойтись без репрессий, то всем прочим неизбежно приходилось прибегать к этому средству. Именно по этой причине древняя тирания запомнилась человечеству дамкловыми мечами и медными быками, а вовсе не золотым веком Писистрата.

Что же касается диктатуры, то изначально она была республиканским институтом – экстраординарной магистратурой в Древнем Риме. Диктатору вручалась вся полнота власти, но лишь на определенный срок и для решения каких-то чрезвычайных проблем.

И в этом заключается принципиальное отличие института диктатуры от тирании. В отличие от последней, он также имеет твердое легитимное основание, а именно – делегирование полномочий одному лицу демократической властью. Строго говоря, ныне существующие в законодательстве почти всех демократий военные и чрезвычайные положения, а также режим федеральной интервенции и тому подобное – суть несколько измененные и смягченные формы этого института.

При монархическом правлении делегирование полномочий (де-факто или даже де-юре) осуществляет монарх.

Очевидно, что путинское правление – это классическая тирания. Власть получена незаконно и удерживается насильно. Это очевидные факты и очевиднейший ответ на вопрос, «чем он вам не царь». Однако ни очи обывателей неосоветской РФ, ни даже очи как бы оппозиционной интеллигенции этот ответ в упор не видят.

Причина же заключается в том, что у подсоветского

населения десятилетия коммунизма и неосоветского режима почти совершенно разрушили правовое сознание. Большевики изначально строились на отрицании идеи права, причем теория постоянно подкреплялась практикой. «Национализации», продразверстки, раскулачивание, расказачивание и иные формы грабежа, политический террор и ликвидация института частной собственности, ретроактивные «нормы» и многое, многое другое...

К тому же элементарно выжить в 20-30-е гг. в СССР, соблюдая все советские законы, было почти невозможно. Да и в последующие годы это оставалось крайне малореальным. Советский человек существовал в мире, где все знали, что официально прописанные в конституции права и свободы – «это так, для митинга». А на деле у него нет и половины этих прав и свобод, а силу имеет не «основной закон», а низовые инструкции.

Что приворовывать на заводе и на службе – норма, что для нормальной жизни нужен «блат», что, одним словом, жить можно «по уставу или по-человечески». Причем последнее, безусловно, гораздо предпочтительнее.

Советское государство, изначально нелегитимное, по факту провозгласило, что его право заключается в силе (вспомним знаменитое «караул устал»). И эту истину, запечатленную во всех официальных анналах, каждый подсоветский обитатель ежедневно познавал на своей шкуре.

По этой-то причине нынешние жители РФ считают закон «бумажкой», не понимают силы права и не верят в неё. И в этом, к слову, состоит их очень серьезное отличие (а вернее, наследственный порок) не только от других европейских народов или американцев, но и от старых русских эмигрантов.

Следует понимать, что реанимация и развитие правового сознания у русского народа является одним из ключевых элементов декоммунизации и построения эффективного и современного национального государства. Без этого сохранится питательная почва для неосоветской системы, что, в свою очередь, сделает весьма вероятным её возрождение на новом историческом витке.

И потому-то и недопустимы малограмотные сравнения Путина с Царем. Ибо такие «сравнители» выбрасывают на помойку чрезвычайно важные юридические критерии и идейно-мировоззренческие различия. Исчезает понимание онтологических свойств и пороков путинской системы, а равно и её генезиса. Фактически, система как таковая вообще пропадает из поля зрения (ведь всё равно «никакой разницы»). А из этого с неизбежностью вытекает следующий шаг: борьба не против системы, а против её «отдельных недостатков». Точно также, как в шестидесятые годы иные диссиденты хотели бороться «за истинный социализм» и против «искажений марксизма-ленинизма» – сейчас, соответственно, это борьба за неискаженный ельцинизм или около того.

Но это – путь в трясины. От которого стоит держаться как можно дальше, даже и тем, кто монархических взглядов не исповедует.

А. Босоволков

ЦАРЬ НИКОЛАЙ ВТОРОЙ И КОНСТРУКТОР "БУРАНА"

Из рассказа Александра Валентиновича Глушко, сына выдающегося российского инженера и учёного в области ракетно-космической техники, одного из пионеров ракетно-космической техники, основоположника жидкостного ракетного двигателестроения, Главного конструктора космических систем, генерального конструктора многоцветного ракетно-космического комплекса «Энергия - Буран» академика Валентина Петровича Глушко (1908-1989):

«Летом 1914 года в Одессу на яхте «Штандарт» в сопровождении отряда миноносцев прибыл Император Николай Александрович со всей Августейшей семьей. Императора встречала изысканная публика, весь цвет одесского бомонда: почётные граждане, банкиры, предприниматели, торговые и промышленные воротилы, интеллигенция. В нарядной толпе встречающих Августейших Особ верноподданный было празднично одетое семейство Глушко. Почётный караул. Военный оркестр исполнил гимн «Боже, Царя Храни!».

Городской голова преподнёс Императору хлеб-соль на резном блюде. Валентин, сидя на плечах отца, с восторгом смотрел на Божье Помазанника и свиту Российского Императора. А вокруг, украшенный по случаю приезда Императора, город Одесса.

Проводить Императора, направляющегося в Царском Поезде в военные лагеря, собралось множество народа. Привокзальная площадь не смогла поместить всех желающих посмотреть на Царя.

Желая подойти ближе, Валентин спустился на землю и, встав на четвереньки, пополз между ног, рискуя быть растоптанным. Пётр Леонтьевич очень поздно понял, что затеял его сын и начал нервничать, поняв, чем это может закончиться. Тем временем, Валентин спокойно пролез не только между ног зрителей, но и сквозь оцепление. Засмотревшиеся на Императорскую свиту жандармы и полицейские проворонили мальчишку, выползшего на дорогу.

Поняв, что он переборщил, Валентин, стал разворачиваться, чтобы ползти обратно, пока не увидел перед собой начищенные сапоги. «Ой...» - мальчик медленно поднимал голову, понимая, что сейчас будет наказан. Почувствовав, что тот, на кого он наткнулся, стал нагибаться к нему, Валентин ожидал увидеть грозное лицо какого-нибудь жандармского генерала или самого генерал-губернатора Одессы, но, вместо этого, он увидел улыбающееся лицо Императора Николая Александровича.

«Ой...» - ещё раз произнёс мальчик. Государь взял его на руки и, улыбаясь, спросил: «Господа, чей это сын?» Сходящий с ума отец, поднял руку: «Мой, Ваше Император-

ское Величество...» Император подошёл к тому месту, где стоял отец мальчика и, попросил пропустить его ближе к сыну. Он посмотрел на ребёнка, по щекам которого текли слёзы, а глаза светились счастьем. «Я тоже как-то плакал сидя на руках у деда, считая себя самым счастливым на Земле, - он повернулся к отцу. - Больше не теряй своего сына, а то он совсем уплзёт, и никто не сможет его найти...» - улыбнувшись, он поцеловал мальчика в мокрую щёку и передал отцу.

Как вспоминал потом сам Валентин Петрович Глушко, увидев его глаза, он решил, что посвятит всю свою жизнь помощи этому человеку в его великих делах. Ведь эти глаза умоляли о поддержке. Они были похожи на бездонную пропасть, до краёв наполненную болью. И с каждым шагом, эта боль выплескивалась наружу в виде ели заметных капелек слёз. И это сочетание глаз и, дарившей радость, улыбки пленяли тебя навсегда.

Когда, в 1918 году он узнал о расстреле Царской Семьи, то для него рухнул весь мир, он потерял смысл для жизни и начал становиться на путь воров и бандитов. Только лишь книги Жюль Верна «Из пушки на Луну» и «Вокруг Луны» вернули ему желание жить и дали силы для дальнейшего созидания. Но это будет, позже, в 1923 году.

С тех пор на всю жизнь Валентин Петрович Глушко сохранил память об увиденном Императоре Николае Александровиче и Его Семье, не смог смириться с их участью и всегда обходил эту тему стороной. Когда же его младший сын Александр родился в день убийства Царской Семьи, то он перенесёт дату его рождения на один день позже. И все родственники многие годы будут помнить об этом, выдавая цифры на бирке, как ошибку, допущенную в родильном доме.

Святые Царственные Мученики зорко берегут тех людей, которые встретились на их жизненном пути, и тех, кто трудится для блага Святой Церкви и Государства Российского.

23 марта 1938 года Глушко был арестован и по август 1939 года пребывал под следствием: его держали во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке и в Бутырках. Во время следствия Глушко неоднократно били дубинками и плетью, сделанными из проводов со свинцовой изоляцией; 15 августа 1939 года Глушко был осуждён к заключению в концлагере, сроком на 8 лет, впоследствии оставлен для работы в техническом бюро, в "шарашке" описанной А. Солженицыным в романе "В круге первом". Он отличался высокой технической компетентностью, широкой эрудицией и общей культурой.

Е. Фокин

ХРОНИКА ОФИЦЕРСКОЙ СЕМЬИ КАЗАНЦЕВЫХ

Записки Зои Павловны Казанцевой, урождённой Савельевой, бабушки редактора «Нашей Страны», сделанные в 1968 году

Зоя Павловна Казанцева

Твой прадед Николай Дмитриевич Казанцев родился 8-(21) июня 1868 года в городе Тифлисе от отца Дмитрия Николаевича Казанцева и жены его, немки, Маргариты Мартыновны, урождённой Эдель. 23-х лет он женился на сестре моего отца Надежде Федотовны, урождённой Савельевой. Первый их сын - Владимир умер в 10-месячном возрасте, а второй - Борис (мой будущий муж, Твой дед) родился в Кутаисе.

Николай Дмитриевич в Петербурге прошёл дополнительный специальный педагогический курс, который давал ему возможность из армии поступить в Кадетский Корпус на должность воспитателя и преподавателя, к чему он имел большое призвание.

Я родилась 13/26 февраля 1896 года в Александрополе, откуда мне в раннем детстве довелось несколько раз ездить с моей матерью в Тифлис; мы останавливались у Казанцевых и мне хорошо запомнилось лицо Николая Дмитриевича.

В 1904 году был создан новый Кадетский Корпус во Владикавказе и Николай Дмитриевич был переведён туда из Тифлисского Кадетского Корпуса. Связь с Казанцевыми у нас прервалась, когда мне было 7 лет.

В 1908 году мой отец Павел Фёдорович Савельев (убитый в 1918 году большевиками в числе «Сорокинских заложников») «по предельному возрасту», как выражались в армии, с производством в чин полковника вышел в отставку и наша семья переехала в Ставрополь, где через 10 дней по приезду родные купили дом в 7 комнат с большим садом, а я поступила осенью в 4-й класс Ольгинской женской гимназии. Мне было 12 лет.

Ставрополь, после армянского Александрополя лишеного зелени, мне чрезвычайно понравился: весь в садах, красиво расположенный на холме, и было мне особенно дорого, что это настоящий русский город.

Радовалась русскому городу. За пару месяцев отвыкла от армянского акцента. Вдалась в учение, в чтение, в рассуждения, - искание правды и справедливости.

В 1911 году, моя тётя Мария Николаевна, жена генерала-артиллериста, сестра моей матери (из Кисловодска) приехала к нам, - и забрала меня к себе на месяц. Однажды сидели мы с ней в Нарзанной галерее; в проходившем мимо офицере я узнала (у меня хорошая зрительная память) Николая Дмитриевича. Тётя заставила меня догнать его, спросить, он ли? Я не ошиблась. Познакомила его с тётей, стали каждый день встречаться в парке.

Беседы с ним, несмотря на разницу лет, были не только всегда глубоко содержательны, интересны, но и необычайно легки. Должно быть, мне льстило, что такой «взрослый» человек не скучает в моём обществе и находит интерес со мной говорить. А я, имея врождённый интерес к сущности человеческой личности, каждый раз находила в нём все новые и новые, с моей точки зрения, достоинства. Большие знания, образование и начитанность не удивляли, но радовалась чувствуя обаяние его личности: необычайная вдумчивость, светлый, большой и, я сказала бы, честный ум.

Исключительно справедливые суждения, заставлявшие задуматься, или вернее, с интересом обдумывать их; душевная доброта не только светилась в его глазах, но и в каждом слове. Какая-то сердечная доверчивость к людям... может быть не ко всем без разбора, а к близким? Или с разбором? Или по чуткости сердца? Не знаю... с того знакомства с Николаем Дмитриевичем я всей душой перед ним преклонилась и на всю жизнь и до сего дня (мне сейчас 72 года) память о нём для меня светлейшая.

Полковник Николай Дмитриевич Казанцев с младшим сыном Сергеем

А каким даром речи он обладал! Не только я, тогда юная ещё, но и потом, сама ставши взрослой, подмечала, что другие «взрослые» со вниманием и интересом слушали его - рассказы ли, рассуждения ли, смешной ли случай (это редко) - всегда без лишнего слов, ровным голосом приятного тембра, гладко, красиво, содержательно и остроумно...

Мне было 15 лет. Срок его лечения в Кисловодске подходил к концу. Однажды говорит мне: «Приходи завтра на музыку, ко мне придёт Борюшка». Пришла, села в стороне. Вижу, около Николая Дмитриевича сидит маленький кадетик. В антракте подошла. Мой кузен-однолетка оказался на голову ниже меня (я уже в 15 лет перестала расти) и не показывая мне ни весёлым, ни приветливым, ни разговорчивым...

Однажды моя тётя пригласила к себе Николая Дмитриевича с Борей, через меня. Взрослые сидели и разговаривали в комнате, а мы младшие на балконе. Упоминаю об этом потому, что после беседы с Николаем Дмитриевичем, тётя

Мария Николаевна высказала мне своё впечатление: «Большой ум, замечательная эрудиция и должно быть редкой души человек».

А я скажу Тебе, мой внук, что тётю свою Марию Николаевну до сих пор очень высоко ставлю: такой умной женщины я за всю свою жизнь не встретила. А в то время, в 15-то лет, я часто с нею спорила, и бывало раз или два на высказываемые её суждения ляпала: «Это ерунда!».

Она спокойно, с присущим ей большим достоинством, объясняла мне, что суждение «старого» (лет 55), много прожившего, много знающего человека назвать «ерундой» - просто говорит о моей... некультурности. Ох, как задумалась я! И с благодарностью ей признала через 2-3 года, когда с нею пришлось расстаться навсегда, что семена, посеянные ею в мое сознание, возросли и были мною восприняты. Придя «в разум» я поняла, что она мне дала - её влияние, её мысли, это и есть правильное, мудро обдуманное воспитание, не всем родителям по плечу, - а она была бездетной. Вот почему ценно её впечатление от встречи с Николаем Дмитриевичем.

Несколько раньше мне Николай Дмитриевич сказал, чтобы я написала родителям в Ставрополь, дабы они отпустили меня - к ним во Владикавказ, недельки хоть на две. Ответ пришёл, конечно, положительный и я очутилась в казённой квартире Николая Дмитриевича - за городом, в направлении Кавказского Хребта, - тогда уже не воспитателя, а командира 1-ой роты.

Произошло знакомство со семьёй: с двумя бабушками - одна моя кровная, другая - мать Николая Дмитриевича: обе чудесные старушки, каждая по своему. Кровная моя тётя показалась мне какой-то холодной, что ли, выдержанной или замкнутой (я старалась объяснить себе её характер).

Дальше - младший сын Николая Дмитриевича, Серёжа, на два года и семь месяцев моложе Бориса. Родился он 25 сентября 1898 года по старому стилю, в день святого Сергия Радонежского. Значит было ему тогда неполных 13 лет. Всегда веселый, маленького роста, часто остроумный, милый, но он меня тогда не интересовал.

Тётя Оля была на четыре года моложе меня: хорошенькая девочка с длинной косой, тихая, замкнутая, милая, но для меня не интересная - ведь мне 15 лет, я перешла в 7-ой (выпускной) класс, развития настолько, что с «взрослыми» найду о чем говорить - дети мне не интересны (тогдашняя моя психология).

Оказался сюрприз, которого не было в Тифлисе - малыш двух лет, Миша. Оля родилась 16 марта 1900 года по старому стилю, а Миша 7 ноября 1909 года по старому стилю, накануне дня Архангела Михаила.

Эти две недели я особенно интересно (как бы сказать - «жадно») жила. Дома - опять внимательное приглядывание к взрослым и старым, а вне - влюблённость в природу Кавказа. Окна квартиры выходили на простор равнины, занятой огородами, а слева, ближе к Кавказскому Хребту, так называемая Лысая Гора. Если утром, в ясную погоду, выйти на балкон из гостиной и посмотреть влево - огромные горы, а за ними (в 40 верстах - почти то же, что километрах) освещённая ранним

солнцем хрустально розовая вершина Казбека. Красота. Зачаровывающая красота.

Стою, бывало, онемевшая и окаменевшая, глаз не оторву от величественной красоты этой картины, а в душе струится молитва-гимн: «Как же велик Ты, Господи, что создал такую красоту! И как Ты добр, Господи, что дал человеку способность понимать эту красоту, ценить её и Твою щедрую доброту, дающую мне такой восторг перед Твоим творением!»

С тыловой стороны корпусного участка - весьма большого - протекал Терек (берущий начало из подтаивающего внизу и вниз сползающего Девдаракского ледника с Казбека. Ходили на берег. Вода холодная, не успевающая согреться даже в жаркие дни.

Совершенно естественно, что за эти две недели пребывания там, я целые дни проводила в обществе своего ровесника Бори. Оказалось - есть много общего. Любимым местом для наших разговоров была «гимнастика» (высоко поставленная на двух столбах массивная перекладина; гимнастические снаряды на лето убирались).

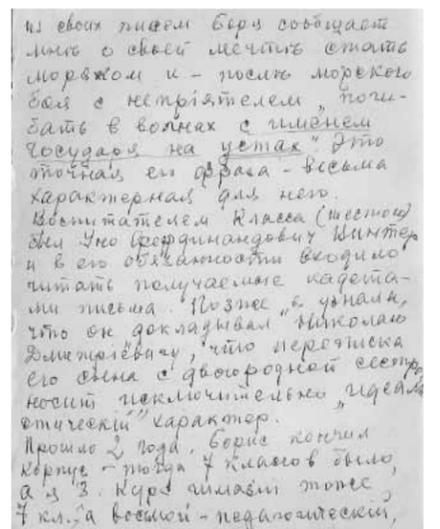
По лестнице забирались на верх. На плацу 1-ой роты перед главным зданием Корпуса.

Темой наших разговоров были так называемые «мировые вопросы»: о смысле жизни, об обязанности перед жизнью, о необходимости угадать своё назначение, predetermined тебе дело, которое надо выполнить с полным усердием и добросовестностью, отдавши этому назначению все свои силы. А для этого необходимо «самопознание» (по Сократу). Мы то, мол, ещё молоды, надо «найти себя» и найти своё место в жизни.

Немного меня удивляло, что в Боре как-то нет молодости, нет восторженного ожидания Жизни с большой буквой (так я тогда говорила), которая начнётся по окончании гимназии; гимназии я хоть и благодарна за знания, с интересом накапливаемые, но всё-таки она вроде тюрьмы.

Частенько проскальзывающий пессимизм в суждениях Бори я объясняла себе особенной возвышенностью его души.

Условились переписываться и расстались проникнутые взаимным уважением. Переписывались.

Помню в одном из своих писем Боря сообщает мне о своей мечте стать моряком и после морского боя с неприятелем - «погибать в волнах с именем Государя на устах». Это точная его фраза - весьма характерная для него.

Воспитателем шестого класса

был Уно Фердинандович Винтер и в его обязанности входило читать получаемые кадетами письма. Позже я узнала, что он докладывал Николаю Дмитриевичу, что переписка его сына с двоюродной сестрой носит исключительно «идеалистический» характер.

Прошло два года. Борис кончил Корпус - тогда семь классов было, - а я восемь. Курс гимназии тоже семь классов, а восьмой - педагогический, дающий право быть сельской учительницей. Летом Серёжа у нас гостил в Кисловодске - куда приехали мои родные из Ставрополя. За ним приехал Борис...

Вспомнилось то время, - и Казбек, и горы, и Терек, и экскурсии по Военно-Грузинской дороге до второй станции Ларс, где на отдельной скале расширяющегося в этом месте ущелья - развалины замка царицы Тамары. И всё обвечно несравненно высокой поэзией Лермонтова (в которого я была глубочайшим образом влюблена - а как с «Демоном»?)

Борис Николаевич Казанцев

Вволю нарэшавши «мировых» вопросов и жизненных проблем, мы с Борей не преминули и о любви заговорить. На его вопрос я должна была первая ответить: «Да, влюблена!» - «В кого?» - «Видишь ли, в карточку. Давнишние знакомые моей мамы живут в Ставрополе. У них четыре сына, и последняя - дочь. Так я в третьего влюбилась и когда с мамой у них бываю, тайком разглядываю семейную группу. Старший сын уже женат, а третий - юнкер». - «Но ты его видела?» - «Нет». - «А гимназисты?» - «Никого не знаю, да они мне не интересны».

Гуляли мы пере вечером по балкону. Молчал, молчал, да и говорит: «А я не особенно счастлив. Догадайся - кто та, которую я люблю?» - «Да ведь я здесь никого не знаю...» и тут я догадалась. Догадалась и испугалась. И захотелось удрать скорей домой в Ставрополь. И неловко мне стало с ним, как-то тяжело, не просто, как раньше. Обещали переписываться.

Так вот он и приехал за Серёжей. Отпросился на несколько дней. Борис подросток порядочно - кончил осенью в Петербурге Павловское Военное Училище. Со мной официально вежлив, замкнут, как взрослому верно полагается.

А Серёжка маленький ростом, но какой же славный, - всегда весёлый. Совсем мальчуган, а перешёл в 7-ой класс. На первоклашку похож.

Да он умел и такой фортель выкинуть. Идём мы гулять в парк вечером. Все залито электричеством, народу - масса. А из кафе доносятся прелестные звуки шопеновского вальса - моего любимого № 7.

Серёжа рядом со своим братом и... в самом освещённом месте перед входом в Нарзанную галерею из парка, едва дотянувшись до плеча брата подпрыгивает вверх с явным намерением допрыгнуть до его роста - мордочка сосредоточенно серьезная. Публика в Кисловодске, как говорится, самая лучшая. Самый богатый курорт - не лечебный. Прохожие одобрительно улыбаются.

Месяц Серёжа у нас гостил. Однажды вечером сидели мы с ним в парке, слушали музыку, публику наблюдали - масса гуляющих. Рядом с Серёжей старичок любовно-ласково на него поглядывает... «А что - говорит - перешёл верно в 1-й класс? Серёжа толкает меня локтем в бок, чтобы не успела я рот раскрыть: «Так точно - перешёл»» - «Ну, молодец».

А у Серёжи на поясе штык висит - знак 1-й роты, то есть он перешёл в 4-й класс. А сам весёленький. Ни тогда, ни позже он никогда не обижался, если кто-либо проехался насчёт его малого роста. Замечательно проявил он эту особенность, когда уже попал на фронт.

1913 год. Лето. Борис кончил семь классов и осенью должен был ехать в Петербург в Павловское Военное Училище. Нам по 17 лет - взрослые мол. Серёженьке же только в сентября, на святого Сергия, исполнится 15 лет. А получилось это очень просто. 9-ти лет отправился он держать экзамен в подготовительный класс, а выдержал в 1-й. Без сучка и задоринки. Педагогический совет единогласно высказался, что надо его принять в 1-й, так как если в подготовительный, повторять уже пройденную программу, то он может потерять интерес к учению, возможно залениться, что может и в привычку перейти. Если мол в течение курса ему будет трудно - ну тогда оставим в классе на второй год. А ему не было трудно и он кончил Корпус в мае 1914 года.

Пахло войной. Борису надо было бы ещё год пробыть в Военном Училище, но сгустили программу и 1 октября 1914 года Государь произвёл всех юнкеров этого курса в подпоручики, так называемый тогда «ускоренный выпуск», или производство «по мобилизации». Производил сам Государь, поздравив выстроенных юнкеров «Господами Офицерами».

Вакансии были юнкерами разобраны ранее. Борис избрал 261-й Ахульгинский пехотный полк, входивший в состав Кавказской Действующей Армии. Ко дню производства приезжал в Петроград его отец Николай Дмитриевич. Покончив с офицерским обмундированием, они уехали во Владикавказ, где Борис и снялся. Было ему 18 с половиной лет. Десятидневный отпуск для приведения своих дел кончался и Борис отправился в Действующую Армию разыскивать свой полк.

В начале 1915 года Борис на фронте заболел сыпным тифом, едва выжил и имел длительный

отпуск для поправления здоровья.

Потом был назначен в Карс на формирование нового «2-го Карского Крепостного полка».

В июле 1916 года полк выступил в Персию, а в сентября Борис получил отпуск на две недели - и 7 сентября 1916 года мы венчались в Кисловодске, почти не видясь раньше, более по переписке зная друг друга.

А Серёжу, то есть весь его класс, после выпускных экзаменов, без летних каникул, сразу же отправили по военным училищам. Серёжа выбрал Пехотное Александровское Училище, на Арбате, в Москве. Курс назывался «сокращённым». Каждые четыре месяца стали выпускать прапорщиков (а не подпоручиков). Таким образом получился если не исключительный, то один из немногих случаев, что Серёжа в августе 14-го года получил сей давно упразднённый офицерский чин в 16 лет, а 17 ему исполнилось уже в конце сентября 1914 года. Взял вакансию на Кавказский фронт в тот же 267 Ахульгинский полк, что и брат.

Сергей Николаевич Казанцев

Тут то и начинается самое интересное про Серёжу, но позволю себе маленькое отступление. В молодости я слушала, что в старости вспоминается **вся** прошедшая жизнь. Зная эту аксиому, я стала проверять себя. Спустя 50-ти лет, начинаю ли я вспоминать прошлое? И во истину:

На старости я сызнова живу Минувшее проходит предо мною.

По производству Серёжа катит на фронт. Получился исключительный случай. 16-тилетний офицер с чином прапорщика. Подпоручика можно было заслужить уже на войне - после 4-х месячного пребывания в боях. На поручика, тоже условие - четыре месяца. На штабс-капитана уже восемь месяцев.

Уже позже (я после свадьбы осталась жить у родных во Владикавказе), приезжал в отпуск Серёжин ротный командир Зайцев (Серёжа, конечно, был в роте младшим офицером). Зайцев рассказывал с большим удовольствием, что когда прибыл Серёжа в полк, безусый и маленького роста, (был то он ниже меня на пол головы, а мой рост - 166 см) Весь 7-ой класс он мазал себе под носом губу керосином, чтобы усы

выросли, но не помогало), солдаты руками разводили и с недоумением говорили: «Ну, братцы, дожили, что дитю прислали нами командовать»

Интересно, что Серёжа об этом знал и это его не смущало и не удручало, а лишь посмеивался он в свои только-только начавшие пробиваться усы. А после первого боя, пошли толковать: «Видали, братцы, дитю? Ишь ведь какой молодой, а какой азартный! И страху в ём (простонародное «в нём») ну ни чуточки нетути». И стал с тех пор он для солдат «наш Серёжа», конечно за глаза.

После следующих боёв говорили: «А за нашим Серёжей не пропадёшь, ну и толковый!». Полюбили его солдаты, и к его командам прислушивались. И как! «Заметил я, - говорит командир роты, - больше чем к моим словам прислушиваются, признаюсь». И не мудрено - живой, всегда бодрый, весёлый, главное - находчивый, когда что нужно, умел схватить, быстро вынести решение, план действий - и горячий, умеет захватить своим порывом.

Понаблюдавши, солдаты пошли меж собой толковать: «А ведь за нашим Серёжей куда хоть пойдёшь; значит так надо. Он за- всегда знает, что надо и солдата бережёт». И закончил свой рассказ этот командир роты так: «Я счастлив, что мне Господь послал такого младшего офицера как ваш сын; мне лично большое облегчение; ну и рьяный же, очень. Да главное, весьма-то толковый».

За бой, когда выбил турок из окопа и взял вражеский пулемёт, Серёжа был награждён Георгиевским оружием. Пробыл он на фронте целый год - благополучно.

Приехал в отпуск в 1916 году, через месяц-полтора после нашей свадьбы, сильно возмужавший. Неизменно весёлый, живой как ртуть, полный радости жизни.

На фронте в боях через четыре месяца Сергей получает чин подпоручика. К концу войны, то есть ко краху, Серёжа уже капитан и с «золотым оружием», дающим право на следующий чин. Закон царского времени. Оно, как и всё, конечно пропало...

Вспоминаю... Осталась ещё в памяти «Ходынка». Видела кружку - гладкая, без ручки, с орнаментом из тонких красных и синих линий. Затем «шапками закидаем» - Русско-Японская война. Затем пугающее, тогда ещё незнакомое слово «революция».

Итак. Н. Д. Казанцев скончался 8 октября по старому стилю 1923 года в Югославии в городе Белая Церковь. Б. Н. Казанцев сражался против красных в рядах отряда генерала Шкуро. В эмиграции принял сан священника; его рукоположил митрополит Антоний (Храповицкий). Скончался 17-30 мая 1929 года в селе Плавка, Югославия. Сергей Николаевич Казанцев сражался в Белой Армии генерала Врангеля в чине капитана, но не смог эвакуироваться из Крыма. Скрывался под ложной фамилией. После ряда лет чекисты вышли на его след, но нашли Сергея уже умирающим от рака и он успел им процедить: «Опоздали». У Сергея была в СССР дочь, но установить с ней связь оказалось невозможным: семья за рубежом не знала его подставную фамилию.